

Анотація

У статті розглядаються спільні та відмінні риси між поетичними рухами в українській літературі другої половини ХХ ст. – поколіннями 1960-х, 1970-х, 1980-х років (шістдесятниками, сімдесятниками, вісімдесятниками). Аналізуються різні культурно-історичні умови формування, що викликали відмінності в світоглядно-естетичних засадах їх представників. Особлива увага звертається на розрізнення концепції людини у творчості поколінь 1960-х, 1980-х років. Проводиться зіставлення естетики вісімдесятників і представників “тихої лірики” та Київської школи поезії. Визначаються форми естетичного бунту поколінь проти канонів соціалістичного реалізму. Наводяться погляди найавторитетніших дослідників генераційного принципу літературного процесу; висвітлюються дискусійні питання його наукової рецепції.

Ключові слова: поетичний рух, поетична генерація, культурно-історична епоха, концепція людини, соціалістичний реалізм, “тиха лірика”, Київська школа поезії.

Аннотация

В статье рассмотрены общие и отличительные черты между поэтическими движениями в украинской литературе второй половины ХХ века – поколениями 1960-х, 1970-х, 1980-х годов (шестидесятниками, семьдесятниками, восемьдесятниками). Проанализированы отличительные культурно-исторические условия формирования поколений, вызвавшие различия в мировоззрении и эстетике их представителей. Особенное внимание обращено на сравнение концепции человека в творчестве поколений 1960-х, 1980-х годов. Проведен сопоставительный анализ эстетики восьмидесятников, представителей “тихой лирики” и Киевской школы поэзии. Определены формы эстетического бунта поколений против канонов социалистического реализма. Освещены взгляды наиболее авторитетных исследователей поколенческого принципа литературного процесса, дискуссионные вопросы его научной рецепции.

Ключевые слова: поэтическое движение, поэтическая генерация, шестидесятники, восьмидесятники, культурно-историческая эпоха, концепция человека, социалистический реализм, “тихая лирика”, Киевская школа поэзии.

Summary

In the article the differences and similarities between the poetic movements in Ukrainian literature of the second half of the twentieth century. – Generation of the 1960s, 1970s, 1980s (Sixties, Seventies, visimdesyatnykamy). Various cultural and historical conditions of formation that caused differences in the ideological and aesthetic principles of their representatives. Particular attention is drawn to the distinction between the concept of human creativity in generations of the 1960s-1980s. A comparison of aesthetics and representatives visimdesyatnykiv “silent poetry” and the Kyiv School of Poetry. Identify forms of aesthetic rebellion generations against the canons of socialist realism. We give views of the most respected researchers Generation principle literary process; highlights the controversial issue of his scientific reception.

Keywords: poetic movement, poetic generation, cultural-historical epoch, the concept of man, socialist realism, “silent poetry”, Kyiv School of Poetry.

УДК 821.111:410.1

Бондарь Н. Ю.,
кандидат филологических наук,
Шосткинский институт
Сумского государственного университета

СВОЕОБРАЗИЕ АРХЕТИПА ДОРОГИ В РОМАНЕ У. СТАЙРОНА “ВЫБОР СОФИ”

Роман американского писателя У. Стайрона “Выбор Софи” (1979) – о фашизме и расизме как тотальной проблеме современности. По словам С. Б. Белова, этот

роман посвящен “проблеме противостояния злу нацизма” [1, 178]. Несмотря на то, что достаточно широкий круг исследователей обращался к различным поэтологическим аспектам этого романа, архетип дороги все еще не стал предметом отдельного изучения. Так, композицию романа “Выбор Софи” с большей или меньшей степенью развернутости рассматривали Т. Н. Денисова [2], С. Б. Белов [1], А. М. Зверев [4], Г. П. Злобин [5], М. М. Коренева [6], Е. А. Стеценко [10]. В диссертационной работе Т. А. Мараховской уделено внимание проблеме личности и ее становления в романах Стайрона [7]. Е. В. Дубинина изучала традиции пуританства в творчестве У. Стайрона, а также эстетическое своеобразие его индивидуального метода в соединении с выявлением этической доминанты [3], а Л. Цехановская в ряде работ исследовала экзистенциальный аспект произведений писателя, роль музыки, функции пейзажа и снов, а также элементы южной литературной традиции в его творчестве.

Цель статьи – определить специфику функционирования архетипа дороги в романе У. Стайрона “Выбор Софи” в индивидуально-авторской трактовке.

Путь в романе У. Стайрона “Выбор Софи” – это по преимуществу описание жизненного пути героев в ретроспективе воспоминаний. Так концептуально нагруженный архетип пути словно растворен в описании частных передвижений героев и вырисовывается только при специальном исследовательском “усилии”. Образно говоря, в художественном мире романа Стайрона персонажи “стоят” или “мельтешат” (в том смысле, что на первый взгляд перемещения кажутся суетливыми и / или мелкими – прогулки по городу, поездки на пляж, в библиотеку, на работу или вечеринку и т.д.).

В этом произведении повествование представляет собой сплетение лирико-исповедального и документально-публицистического жанров. Место действия – Америка, рассказчик – двадцатидвухлетний вирджинец Стинго, и композиция романа организована воспоминаниями Софи, и его размышлениями. В повествование рассказчика о себе и своих возрастных проблемах вплетаются история молодой полячки Софи Завистовской, бывшей узницы Освенцима, история любви Софи и Натана Ландау, а также событие двойного самоубийства этих героев.

Жизненные пути героев композиционно делятся на актуальные (протекающие в реальном времени повествования) и идеаторные, или виртуальные, воссоздаваемые усилием их памяти (ср.: “дороги души”, по В. Н. Топорову). Почти каждое напряжение в той или иной жизненной ситуации вызывает выброс идеаторного характера: и юный Стинго (в меньшей мере), и Софи в своих воспоминаниях-откровениях возвращаются к травмирующим (Стинго) или откровенно ужасным событиям прошлой жизни (Софи), которые формировали их реальную личность. Актуальный жизненный путь, протекающий в реальном времени, представлен довольно незначительными событиями, которые, однако, остро воспринимаются порой некоторыми героями (в особенности Стинго).

В романе сосуществуют разные временные пласты, тесно переплетены настоящее и прошлое Стинго и Софи. Жизненный путь Стинго описан весьма подробно, причем в нем перемежаются события как объективно не очень

значительные (отъезд из дома, служба в редакции, стремление стать писателем, поиски жилья, хождение в гости, веселое времяпрепровождение с Лесли Лapidас на пляже, знакомство с Мэри Элис, побег с Софи на юг), так и судьбоносные, трагические (осознание ужасной судьбы Софи в годы войны, потеря Софи и Натана). При этом в настоящем Стинго часто размышляет о прошлом (мысленный, или виртуальный, путь в прошлое): о своем детстве, о смерти матери, а затем – и о фактах из биографии Софи. Образ Стинго дан в становлении, развитии, и обрести зрелость духа ему помогают дружба с Софи и Натаном, а затем их совместный трагический уход.

Воспоминания Софи композиционно занимают больший объем повествования, чем ее настоящее. В разговоре со Стинго Софи часто обращается к тому, что было. Именно прошлое, которое невозможно забыть, подталкивает Софи к уходу из жизни.

Повествование, таким образом, разделяется на две основные сюжетные линии – молодого начинающего американского писателя Стинго и бывшей узницы Освенцима, иммигрантки Софи Завистовской. В архетипе дороги на первый план выступает жизненный путь Стинго, образ которого несет многофункциональную нагрузку: он и рассказчик, и своего рода “призма” преломления истории Софи, и отдельная личность со своей судьбой (многие исследователи, в частности, Т. А. Мараховская, связывают его линию с духовным прорывом, восхождением [7, 14]). У Стинго впереди – вся жизнь, а Софи уже не может жить с чувством неизбывной вины перед детьми, поэтому ее жизненный путь направлен к гибели, хотя включает временное физическое спасение и искупление вины.

Любая модель дороги, в том числе жизненной, определяется в художественном произведении рамками пространства и времени. Хронотоп модели “жизненный путь” включает следующие уровни: физические перемещения (приезды, отъезды, поездки) и мысленный, или виртуальный путь (воспоминания, мечты, сны).

Образ Стинго вписывается в жанровую схему и романа воспитания (становление, формирование характера героя, характерное наличие элемента биографического романа, психологизм), и романа о художнике. Соответственно, и жизненный путь рассказчика – это его становление как писателя, который сталкивается с подлинной жизнью, осознает ее, ищет свой путь и, таким образом, совершенствуется нравственно. Поначалу Стинго пытается закрыться от внешнего мира, но, к счастью, ему это не удается. Общаясь с Софи и Натаном, как замечает Т. А. Мараховская, он эволюционирует через процесс самоопределения, толчком для которого стали их истории [7, 14]. Он вспоминает некоторые моменты и из своего прошлого, проводит параллели, делает выводы (например, осознает свою детскую вину перед больной беспомощной матерью, когда, заигравшись, оставил ее одну и тем самым невольно ускорил ее смерть).

Начало повествования в романе “Выбор Софи” – 1947 год. В это время Стинго работает в издательстве, читает присланные туда рукописи и мечтает стать писателем. Знакомясь с чужими произведениями, он не находит ни одного стоящего, с его точки зрения. Поэтому, когда у него происходит конфликт с главным редактором и Стинго увольняют, он решает посвятить свою жизнь

писательскому поприщу. Молодой человек переезжает в дешевую комнату в доме Етты Зиммермен. Он считает, что в одиночестве, закрывшись от внешнего мира, создаст шедевр, подобный произведениям классиков. Но не общаться ни с кем оказалось очень трудно для Стинго. В это время он и знакомится с соседкой по дому, полькой Софи Завистовской, а затем и с ее возлюбленным – Натаном Ландау. Стинго работает над первым романом, и Натан с восторгом говорит о рукописи начинающего писателя. Втроем они проводят много времени: ведут серьезные беседы о проблемах антисемитизма и расизма, о литературе, устраивают шуточные перепалки, ходят на пляж. Стинго знакомится с друзьями Натана, среди которых присутствует Лесли Лапидас, молодая красавица из зажиточной еврейской семьи. В Манхэттене Стинго был одинок, а в Бруклине он постоянно расширяет свой круг знакомств.

На становление Стинго, на развитие его мировоззрения повлияла исповедь Софи Завистовской. По мнению Е. А. Стеценко, «движение рассказа Софи от лжи к правде определяет и развитие личности Стинго, который так освобождается от ложных представлений о действительности, познает жизнь, осмысливает опыт войны европейской и американской истории» [10, 107]. Повествование Софи имеет несколько вариантов. Е. А. Стеценко пишет: «Софи постепенно корректирует свою исповедь, выстраивая события не в хронологической последовательности, а по мере нарастания их тяжести, освобождая прошлое от лжи и все больше приближаясь к беспощадной правде» [10, 105]. История Софи со временем наполняется все более страшными подробностями и излагается в течение нескольких недель. В своем первом рассказе о доме и детстве Софи идеализирует прошлое. Этот рассказ напоминает неспешные повествования прошлого века. Она описывает свой дом, почтенных родителей, любящего и любимого мужа, но постепенно выясняется, что ее отец, профессор юриспруденции Ягеллонского университета в Кракове, – антисемит, а муж, его ученик, поддерживает взгляды отца. Идиллия оборачивается ужасной истиной.

Рассказывая о своем прошлом, Софи мучительно переживает, избавляясь от иллюзий, и выносит себе приговор. Тот отрезок прошлого для нее – это путь падения. Она не могла рассказать всю правду о своем прошлом Натану Ландау, так как чувствовала перед ним свою вину, ведь он был евреем. Она не могла позволить ему узнать всю правду о себе. Натан спас ее, вдохнул в нее, хоть и ненадолго, новую жизнь. К тому же после Холокоста Натан твердо уверен, что только евреи имеют право говорить о страданиях. Поэтому, ревнуя и избивая Софи в припадке душевного затмения, он подсознательно мстит ей за то, что она выжила и, по его логике, была сообщницей нацистов.

Софи не сразу рассказывает и о своих детях. После ссоры с Натаном и его отъезда Софи сообщает Стинго о своем сыне Яне, который тоже был в концлагере, и ради спасения которого она собиралась соблазнить Рудольфа Хесса, коменданта Аушвица. А позже читатель узнает, что у нее еще была и дочь. Именно в связи с ней Софи испытывает страшные угрызения совести, решив пожертвовать дочкой ради спасения сына.

Софи рассказывает о своем пути физического спасения непоследовательно и фрагментарно, а потому создается впечатление путаницы. Если выстраивать поворотные пункты “пути вниз” в логическую цепочку, то она выглядит так: отказ от участия в Соппротивлении – сохранение брошюры отца об уничтожении евреев – попытка соблазнить коменданта лагеря Хесса. По мнению Софи, она не делала ничего предосудительного. У нее было только желание спастись самой и спасти своих детей. Но уберечь их ей не удалось. Софи не может жить с чувством вины за прошлое, и поэтому она принимает яд вместе с Натаном.

В романе поднимается проблема этического выбора. Вообще тема столкновения человека с темными сторонами жизни и необходимости морального выбора перед лицом насилия проходит через все творчество У. Стайрона. Софи за недолгий период жизни несколько раз становится перед выбором: печатать ли антисемитскую брошюру отца, примкнуть ли к Соппротивлению. Выбор зависит только от нее одной. Самый ужасный по своей абсурдности и жестокости экзистенциальный выбор происходит в концлагере. Фашист, заведовавший селекцией, предлагает Софи выбрать, кто из ее детей пойдет в печь. Здесь просматривается трагическая ирония, когда действия и поступки подготавливают героя к своей гибели. Последний выбор Софи – уход из жизни. Она не может вынести чувства вины за прошлое, а кроме того, все самое главное в жизни она уже потеряла. Путь, который, казалось бы, вывел героиню из царства теней смерти, на самом деле убил ее, поскольку Софи не нашла в себе сил пройти по нему, сохранив себя как личность, или пойти на риск физической гибели, пока еще было за что бороться и что терять. Так поэтика названия романа связана с архетипом пути. Но “Выбор Софи” – не только личный выбор жизненной дороги или выбор участи для детей: в определенном смысле это и выбор человечеством исторического пути.

В художественной литературе XX века архетип дороги (пути) приобретает особую смысловую нагрузку; это связано с осознанием движения как бытийного принципа истории, прогресса, общественной и личной жизни, а также с априорной разъятостью микро- и макрокосма, что в целом было нехарактерно, например, для романа XIX в. Поэтому особый вопрос заключается в качественности и продуктивности такого движения.

Одной из топографических разновидностей движения в романе “Выбор Софи” становится прогулка как некий “малый путь”, которая как композиционный элемент часто встречается не только в англоязычном, но и вообще в европейском романе XIX столетия. Так, А. В. Попова в статье “Трансформация “просветительской прогулки” в “Замогильных записках” Ф. -Р. Шатобриана” рассматривает прогулку “как особый тип интеллектуальной деятельности в ее соотношении со специфическим типом ментальности, формирующимся в ту или иную эпоху” [8, 111].

В классическом английском романе (Диккенс, Теккерей) можно выделить следующие виды прогулок: 1) формально бесцельные, но дающие возможность физического отдыха, размышлений, эмоционального общения и духовного сближения, и 2) прогулки с конкретной целью. У Диккенса герои в качестве фона

для емоціонального общення вибирають лоно природи (поле, море). Прогулка, як правило, характеризується: 1) любовними мєчтаньями или обьясненьями: Дєвид Копперфилд (Ч. Диккенс, “Дєвид Копперфилд”), Уолтер (Ч. Диккенс, “Домби и сын”), прогулки Ребекки Шарп, Джоза Седли, Эмили Седли, Джорджа Осборна и капитана Доббина в садах Воксхола (У. Теккерей, “Ярмарка тщеславия”); 2) любованиєм сельским ландшафтом: Оливер Твист (Ч. Диккенс, “Приключения Оливера Твиста”), Дєвид Копперфилд; или 3) наслаждениєм морскими просторами, свежим воздухом и чувством свободы: Дєвид Копперфилд (Ч. Диккенс, “Дєвид Копперфилд”) и Эмли, Поль и Флоренс (Ч. Диккенс, “Домби и сын”).

В этих же романах встречается и “целевая” прогулка: так, мистер Каркер-заведующий во время прогулки размышляет, как бы загнать мистера Домби в тупик (Ч. Диккенс, “Домби и сын”); иногда герой совершает прогулки с тем, чтобы привлечь чье-то внимание или кого-то соблазнить (Ребекка в “Ярмарке тщеславия” У. Теккерей). Прогулка зачастую открывает истинное лицо персонажа – искренность или позерство, действительную тягу к природному началу или способ завести полезные знакомства, – поэтому авторы сосредоточены на целях, переживаниях и мыслях героев.

В романе “Выбор Софи” практически нет места для прогулок и других видов свободного и тем более “мечтательного” досуга. В нем есть несколько видов времяпрепровождения, которые формально можно причислить к прогулкам, но и они осложнены тяжелыми воспоминаниями, т.е. включают виртуальную составляющую жизненной дороги / пути. Прогулка претерпевает явные изменения по сравнению с классической моделью.

Начало повествования в романе (1947 год) – это тот момент исторического развития, когда, по мнению Е. В. Дубининой, главной темой становится сущность цивилизации и осмысление духовных итогов XX века [3, 68].

Познакомившись с Софи и Натаном, Стинго едет с ними на пляж в Кони-Айленд. Эта дорога позволила ему больше сблизиться с друзьями; в это же время он выслушивает первый рассказ Софи о ней и ее детстве. Поездка на пляж и прогулка для молодого человека вполне отвечают его намерениям расслабиться, получить удовольствие. Но когда рядом появляется Софи, рассказывающая ему о своем прошлом, прогулка окрашивается совсем иными эмоциями, а прогулочный путь, предполагающий наслаждение сиюминутными радостями жизни, приобретает характер трагической ретроспективы.

Перед следующей поездкой на пляж Стинго обнаруживает, что его обокрали, поэтому восприятие пути представлено в мрачных тонах: “Автобус на пляж Джонса отходил с грязного вокзала на Ностренд-Авеню...” [8, 482]; “Мы с Софи последними влезли в автобус – он стоял в туннеле, похожем на склеп...” [8, 483]; “Раскачиваясь во все стороны и изрыгая дым, наш дряхлый автобус под скрип тормозов следовал по застроенному унылыми домишками Куинсу и Нассау, и, казалось, мы будем теперь навеки пленниками” [8, 485]; “...я все больше погружался в мрачные раздумья по поводу моего недавнего ограбления” [8, 486–487]. Описание дороги на пляж передает эмоциональное состояние

героя. Тупиковість підкреслюється згадуванням нечистоти (“грязний вокзал”), а також несвободи (“тунель”, “склеп”, “застроєність району унылыми домишками”, “ощущение себя “пленниками”, наконец, погруженность “в мрачные раздумья”). Все это совершенно не вяжется с понятием прогулки. Вместе с тем, каким бы тягостным ни было настроение Стинго в связи с утратой денег, оно составляет всего лишь бытовой противовес трагическому прошлому Софи, о котором Стинго еще только предстоит узнать.

Софи рассказывает Стинго о довоенной прогулке с отцом и неким доктором Вальтером Дюррфельдом, директором концерна “И. Г. Фарбениндустри”, в июне 1937 года. Их встреча была “чисто светской, удовольствия ради” [8, 524]. Из-за плотного графика немецкого доктора прогулка продолжалась недолго: “небольшой тур по университету с его Коллегиум Майус... осмотр Вавельского замка, гобеленов...” [8, 525]. Софи понимает, что отец взял ее неслучайно. Ему важно было, чтобы она показала, какая она хорошенькая и умная, и чтобы в отцовском дневнике могли быть должным образом зафиксированы определенные события. Однако Софи неинтересно и скучно, потому что отец и Дюррфельд говорят на темы промышленности и торговли. Затем они едут на большую соляную копь в Величку, причем отец с воодушевлением излагает свое исследование польской соляной промышленности и ее истории. Дюррфельд тем временем “искренне восторгается пейзажем”: “Вокруг них все зеленеет: дрожит, раскрываясь, листва, поля пестрят цветами – польская весна во всей своей пышности” [8, 530]. Но Софи не ценит тогда ни свободы, ни красоты польской весны, ибо это представляется ей само собой разумеющимся. Подземный дворец из соли, являющийся, по словам ее отца, одним из семи чудес Европы, не интересует Софи. Она была там несколько раз, и сейчас, скучая, переключается на анализ внезапно возникшего чувства к Дюррфельду. Софи решительно выбрасывает его из сердца, не слушая лекцию отца и не замечая, как они шагают “по сверкающему белому царству сводчатых пещер, лабиринтов и взмывающих ввысь нефов – этому вытянутому вверх антисобору, этому погребенному под землей мемориалу в честь векового людского труда, нисходящему в головокружительные глубины подземного мира...” [8, 534]. Слегка намеченный архетипический мотив пребывания Персефоны в царстве Аида более явно проступит в концлагерном аду, то есть эта мирная прогулка – лишь пролог к последующей трагедии. Через несколько лет, уже находясь в Освенциме, Софи вновь встретит Дюррфельда, который придет туда набирать пленников для работы в шахтах, и он не узнает в истощенной узнице ту прекрасную полячку, которая сопровождала его в экскурсии по подземному дворцу. Так искусствоведческий образ “антисобора” (*anti-cathedral*) материализуется в концлагерном варианте “подземного мира” (*the underworld*) смерти. Вот почему Софи с ее лагерным опытом и за городом, рядом со Стинго, испытывает не вполне характерное для прогулки душевное состояние – тревогу, беспокойство, неопределенность.

Таким образом, в художественном мире романа У. Стайрона “Выбор Софи”, как видим, фактически нет места для прогулки, связанной с созерцанием мира, самоценной прогулки, украшенной встречей с любимой или любимым: описания прогулок отягощены трагической ретроспективой, информацией о человеческих драмах и осознанием невозвратно утраченного или непоправимого.

Архетип дороги / пути для англоязычной прозы (в особенности для романа воспитания в его классическом выражении) – один из системообразующих. В мотиве дороги реализовывалась идея ученичества, обретения опыта, духовного роста. Но в англоязычном романе второй половины XX века произошли кардинальные изменения. Даже общие формальные приемы в романах различных эпох служат теперь разным целям, – например, повествование от первого лица. Так, в романах “Дэвид Копперфилд” Диккенса и “Выбор Софи” Стайрона используется нарративная модель “я-рассказ”. Но при этом в романе Диккенса рассказчик является и главным героем, причем его становление показано с юных лет. В романе же Стайрона рассказчик – своего рода “наблюдающая” и оценивающая инстанция, взгляд на Софи “со стороны”. Если движение сюжета у Диккенса весьма незначительно затрагивает внутренние изменения положительного главного героя, то у Стайрона однозначно положительных и отрицательных героев априорно не существует, хотя каждый из них и способен к эволюции. Если у диккенсовского героя главная задача – уцелеть и обрести какую-то стабильность в жизни, то у Стайрона один из основных нравственных вопросов – мера личного участия во всем, что происходит в макром мире. Стинго начинает понимать, что невозможно жить без ответственности перед окружающими. В конце повествования мы видим результаты его становления, его скорбь не только о близких, но даже о людях, о которых он знает лишь понаслышке: “...Я плакал по Софи и Натану, но также по Яну и Еве – Еве с ее одноглазым Мишей, – и по Эдди Фареллу, и по Бобби Уиду, и по моему юному черному спасителю Артисту, и по Марии Хант, и по Нату Тернеру, и по Ванде Мух-Хорх фон Кречман, которые составляют лишь маленькую горстку поверженных, замученных и умерщвленных детей Земли” [8, 702]. Здесь путь к единению всех людей пролегает через катарсис. В классическом романе, например, у Теккерея в “Виргинцах” или “Генри Эсмонде”, также присутствует история, что предопределено самим жанром (исторический роман). Своеобразие романа Стайрона в том, что мировая история – экзистенциальное условие жизни и судьбы героев, нравственного выбора каждого человека, который может и должен попытаться распорядиться прошлым и настоящим опытом не просто наблюдателя, но и соучастника “больших” (мировых) событий.

Так, личный путь героя в рассматриваемом романе – это еще и личный путь познания истории. Архетип дороги у Стайрона можно рассматривать и в ключе исторического движения мира и человека: перед читателем встает Польша до и во время войны, он становится свидетелем того, как решается расовый вопрос на американском Юге, как течет жизнь в благополучной послевоенной Америке. Прием ретроспекции помогает понять, почему Стинго

испытывает не только чувство экзистенциальной, но и исторической вины: его нынешнее благополучие – это во многом и результат продажи черного раба по имени Артист. Для жителя американского Юга история отношений “белых” и “черных” – уникальная и чрезвычайно сложная.

Таким образом, установлено место архетипа дороги в композиционном поле в романе “Выборе Софи” У. Стайрона: дорога принимает метафорические очертания “жизненного пути”, представленные воспоминаниями и исповедью. Личный (частный) путь героев в романе – это еще и путь познания исторических законов. Выявлено, что архетип дороги у Стайрона предполагает историческую составляющую. На все отрезки топографических перемещений в романе проецируются исторические события прошлого (фашистская оккупация Польши, пребывание в концлагере, решение “еврейского вопроса”), что усиливает трагизм положения героини, повторяемость и тупиковость движения.

Литература

1. Белов С. Бойня номер “X”. Литература Англии и США о войне и военной идеологии / С. Белов. – М., 1991.
2. Денисова Т. Н. Экзистенциализм и современный роман / Т. Н. Денисова. – К., 1985.
3. Дубініна О. Традиції пуританства в творчості В. Стайрона / О. Дубініна // Слово і час. – 2002. – № 11. – С. 68–72.
4. Зверев А. М. Логика литературного десятилетия / А. М. Зверев // Литература США в 70-е гг. XX века. – М., 1983. – С. 11–79.
5. Злобин Г. Выбор Уильяма Стайрона / Г. Злобин // Иностранная литература. – 1981. – № 1. – С. 78–82.
6. Коренева М. М. Голос автора – “голос действительности” / М. М. Коренева // Новые художественные тенденции в развитии реализма на Западе в 70-е годы. – М., 1982. – С. 252–259.
7. Мараховська Т. А. Проблема особистості в романах Вільяма Стайрона : автореф. дис. ... к. філол. н. : 10.01.04 “Література зарубіжних країн” / Т. А. Мараховська. – Дніпропетровськ, 2005.
8. Попова А. В. Трансформация “просветительской прогулки” в “Замогильных записках” Ф.-Р. Шатобриана / А. В. Попова // Літературознавчий збірник. – Донецьк : ДонНУ, 2005. – Вип. 21–22. – С. 111–123.
9. Стайрон У. Выбор Софи : [роман] / У. Стайрон ; [пер. Т. Кудрявцевой]. – СПб, 1993.
10. Стеценко Е. А. Судьбы Америки в современном романе США / Е. А. Стеценко. – М., 1994.

Аннотация

В статье рассматривается своеобразие архетипа дороги в романе американского писателя У. Стайрона “Выбор Софи”. Цель статьи – определить своеобразие функционирования архетипа дороги в индивидуально-авторской трактовке. Выявлено, что архетип дороги в композиционном поле в романе принимает метафорические очертания “жизненного пути”, представленные воспоминаниями и исповедью. Прослежены основные тенденции наполнения архетипа дороги актуальными историческими характеристиками. Установлено, что в художественном мире романа “Выбор Софи” фактически нет места для прогулки.

Ключевые слова: архетип дороги, индивидуально-авторская трактовка, архетипический мотив, хронотоп, прием ретроспекции, экзистенциализм.

Анотація

У статті розглядається своєрідність архетипу дороги в романі американського письменника У. Стайрона “Вибір Софі”. Мета статті – визначити своєрідність функціонування

архетипу дороги в індивідуально-авторському трактуванні. Виявлено, що архетип дороги в композиційному полі роману приймає метафоричні обриси “життєвого шляху”, які представлені спогадами і сповіддю. Простежено основні тенденції наповнення архетипу дороги актуальними історичними характеристиками. Встановлено, що в художньому світі роману “Вибір Софі” фактично немає місця для прогулянки.

Ключові слова: архетип дороги, індивідуально-авторське трактування, архетипний мотив, хронотоп, прийом ретроспекції, екзистенціалізм.

Summary

The article deals with the specificity of the archetype of the way in the novel “Sophie’s Choice” by American writer William Styron. The purpose of the article is to identify the specificity of functioning of the archetype taking into account the author’s interpretation of the historical content. It has been revealed that the archetype of the way in the composite field of the novel takes metaphorical outlines of the “life journey” presented with memories and confession. The main trends of the way archetype filling with actual historical performance have been investigated. There is no place for a stroll in the literary-artistic world of the novel “Sophie’s Choice”.

Keywords: archetype of the way, individual author’s interpretation, archetypal motive, chronotopos, flashback method, existentialism.

УДК 821.112.2’06 (М. Йогансен)

Васьків М. С.,
доктор філологічних наук,
Київський університет імені Бориса Грінченка

МАЙК ЙОГАНСЕН: ТВОРЧІ ІГРИ НА МЕЖІ СНУ І РЕАЛЬНОСТІ

Роксана Харчук, продовжуючи спостереження М. Павлишина, відзначила одну з домінантних рис творів Юрія Іздрика: “Усі твори Ю. Іздрика є не тільки інтелектуальною головоломкою, вони створюють специфічний емоційний стан зависання між реальністю і сновидінням. Інтерпретація їх переважно сприймається як недостатня <...>” [8, 166–167]. Можна додати, що калуський письменник балансує у своїх текстах не тільки на межі дійсності зі снами, але також на межі з мареннями, грою уяви, гротесково-гіпєболізованими думками і відчуттями, дуже близькими до сновидінь. Реальність та ірреальність, відсутність чіткої межі поміж ними, їх взаємоперехід роблять твори Ю. Іздрика не тільки складними для інтерпретації, але й стереоскопічними, багатограними, невичерпними для ідеального читача. Р. Харчук зазначає, що, “очевидно, Ю. Іздрик <...> прагне показати, що саме сни, як і література, є тією ірреальністю, що має потенційну здатність перетворюватися на дійсність” [8, 160]. Далі дослідниця висловлює думку, що візії-передбачення стають реальністю в майбутньому. Цілком можливо, що інколи так дійсно буває. Але Р. Харчук наводить приклади з віртуальної реальності, тобто з творів того самого Іздрика. Тому варто розширити й узагальнити тезу дослідниці: сни, а з ними й інші форми візійності стають такою самою, рівноправною художньою дійсністю, як і міметичне відтворення того, що ми називаємо реальністю.

Коли мова заходить про попередників, з якими є перегуки у галицького письменника, то називають багато імен, переважно з чужих літератур, – від